

Народные знания тазов Приморья (XIX—XX вв.)

Владимир Викторович Подмаскин,

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: podmaskin@yandex.ru

В результате проведения полевых этнографических экспедиций (1993, 1995, 2002 гг.) и изучения литературных источников выяснилось, что у тазов сохранились народные знания о природе, человеке и обществе, представляющие интересную и важную для понимания тему этногенеза и этнической истории коренных малочисленных народов Приморья. Тазы интересовались своим происхождением, родством с другими группами населения, досконально знали промысловую территорию. До малейших деталей им были знакомы рельеф и ландшафт уссурийской тайги, речные системы, местная флора и фауна, климатическая и метеорологическая обстановка, сопровождающая смену времён года. Ориентирование тазы проводили по горному ландшафту, направлению ветра, течению рек, солнцу (*виту*), луне (*веля*) и звёздам (*сингся*). Естественные ориентиры стали именами географических объектов. В топонимах отразились природные условия Приморья, особенности занятий и быта, мировоззрение этноса. Занимаясь охотой, рыболовством и собирательством, тазы освоили промысловую базу, отслеживали миграции зверей, сезонный ход рыбы на нерест, наблюдали за образом жизни и повадками животных. Они прекрасно знали и ценили великолепные качества древесины и коры как строительного материала. Из растений научились получать лекарства, яды, масла, красители и дубильные вещества. Этноботанические знания, судя по умению и навыкам, имели древние традиции и занимали устойчивое положение в культуре тазов. У этноса сложилась традиционно-устная медицина, которая включала в себя не только способы лечения возникших заболеваний, но и всю систему предупредительных мер, направленных на охрану здоровья.

Ключевые слова: тазы, этногония, топонимика, ориентация в пространстве, народная метрология, календарь, космография, знания о фауне и флоре, народная медицина.

Traditional knowledge of the Taz people (19th–20th centuries).

Vladimir Podmaskin, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: podmaskin@yandex.ru.

As a result of field ethnographic expeditions (1993, 1995, 2002) and examination of literature sources, it is revealed that the Taz people preserved people's knowledge about nature, man and society, which is an interesting and important topic

for understanding the ethnogenesis and ethnic history of indigenous peoples of Primorye. Taz people were interested in their origins, their relationship with other population groups. It turned out that they knew thoroughly the fishing territories. They knew in detail the topography and landscape of the Ussuri taiga, river systems, local flora and fauna, climatic and meteorological conditions of the seasons of the year. The orientation was conducted by the mountain landscape, the direction of the wind, the flow of the rivers, the sun (*Vitu*), the moon (*Velya*), and the stars (*Singsya*). The natural landmarks became the names of geographic features. The names reflected the natural conditions of Primorye, the features of activities and everyday life, the world view. The Taz people mastered fishing territory by hunting, fishing and gathering, traced the migration of animals, the seasonal cycle of fish spawning, observed the way of life and habits of animals. They knew and appreciated the excellent qualities of wood and bark as a building material. They learnt to get drugs, poisons, oils, dyes and tannins from plants. Ethnobotanical knowledge, according to abilities and skills, had ancient traditions and was well placed in the culture. The ethnic group developed traditional oral medicine, which involved not only the methods of treatment of health problems but also a whole system of preventive measures for health protection.

Keywords: Taz people, ethnogony, toponymy, spatial orientation, national metrology, calendar, cosmography, knowledge about fauna and flora, folk medicine.

Тазы — малочисленная группа населения Приморского края (рис. 1). Название происходит от китайского *да-цзы* (*та-дзы*). Этимология этнонима *та-дзы* окончательно не выяснена: его трактовали как «береговые жители», «окружающие люди», «скрывающиеся», «край, конец» и т.п. В.К. Арсеньев считал, что *да-цзы* обозначало «аборигены», «туземцы». Так, *дацзами* считались и гольды, и гиляки, и маньчжуры. Отсюда — *солон дацзы* (солоны), *мунгудацзы* (монголы), *юпидацзы* (туземцы, одетые в рыбью кожу) и т.д. [3, с. 142]. Название *та-цзы* первоначально употреблялось китайцами и маньчжурами по отношению ко всем народам Приморья и Приамурья и даже перешло в некоторые другие языки. Нивхи так обозначали удэгейцев, орочей и ороков — *тазунг*.

В 1938 г. XX в. тазы были переселены с хуторов в с. Михайловку Ольгинского района Приморского края. Постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 они внесены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. В 2010 г., по итогам Всероссийской переписи населения, зарегистрировано 274 чел.

Происхождение тазов тесно связано с миграциями китайцев и маньчжуров в Приморье в XIX в. Переселенцы-отходники (мужчины) из Северо-Восточного Китая на новом месте обзаводились семьями. В жёны брали удэгейских, орочских и нанайских женщин. В результате смешивания коренного и пришлого населения образовалась этническая общность с одним из говоров северного диалекта китайского языка [22, с. 170].

Рис. 1. Семья тазов. Приморский край, Ольгинский район, с. Михайловка, 1956 г.

Жизнь в суровых природно-климатических условиях Приморья сформировала у тазов особую систему жизнеобеспечения, важным компонентом которой были народные знания о природе, человеке и обществе.

В национальном сознании сохранились представления о народах, с которыми тазам приходилось контактировать в ходе этнической истории XIX—XX вв. Они интересовались собственным происхождением, называя себя *удэ* (*удихэ*) или *чиюн*. В фольклоре бытовали этнонимы *тунго* (китаец), *гаули* (кореец), *ибен* (японец), *вайса* (удэгеец), *тудус* (тунгус), *манго* (монгол), *манзо* (маньчжур), *мауза* (русский), от тазова *мауза* — волосатый. Сложившаяся этническая общность дружелюбно относилась к соседям и, согласно обычаю гостеприимства, легко вступала во взаимные культурные контакты с пришлыми людьми. Эти отношения укреплялись смешанными браками. Вооружённые столкновения с окружающими народами не отмечены.

Ландшафтно-климатические условия Приморья оказывали существенное влияние на особенности хозяйства и культуры этноса. Ритм жизни тазов в большей степени зависел от чередования времён года, производственных циклов, капризов погоды. В языке сохранились термины, характеризующие метеорологическую обстановку обжитого места: *паза* — град, *лый* — гром, *се* — снег, *тигдэ* (*юн*) — дождь, *уу* — туман, *це* — молния и др.

У тазов было мнение, что луна *веля* и солнце *виту* влияют на погоду. Вечернее зарево — к жаре и хорошей погоде. Отсвет заката на небе вечером — к плохой. Солнце в кругу — к ветру. Круг около луны — к осадкам. Молодой месяц без круга, когда «на его рожок можно повесить ведро», — к дождю [18].

Сохранился комплекс знаний о земной поверхности, богатстве недр. Тазы умело использовали полезные свойства глины *тоу* (*ту*), кремня *бу* и других камней *када*, из которых изготавливали орудия труда. Например, стены жилища, систему отопления *кана* и печь *саму* они клали из плоских камней *цудо*, обмазанных глиной. Из кремня высекали огонь, из гранита мастерили жернова *цеймор*, ступы *туй воз*, мельничные ребристые катки *нанза*. Для придавливания гребней грядок, особенно яровых зерновых посевов, использовали гранитный цилиндрический каток *шикоенза*. По всей поверхности валика наносили ребристую поверхность для лучшего сцепления с грунтом [16, с. 60]. Наковальня чаще всего представляла собой плоский камень. По описанию Л.А. Большева, стены фанз как внутри, так и снаружи, обмазывали глиной. «Глиняные трамбованные полы содержались весьма опрятно. От дверей вдоль стен тянулись глиняные нары, подогреваемые дымом из печи, сооружённой снаружи фанзы... Домашняя утварь состояла из большого чугунного котла, вделанного в печку, чайника, нескольких „каменных“ и деревянных чашек, из которых тазы ели, и палочек, заменявших вилки» [6, с. 143].

Им были хорошо знакомы различные металлы — железо *тхие* (*тьие*), серебро *тхун* (*инза*), золото *тинзэ* (*синга*), медь *тунг*, олово *си*, свинец *чан*. Однако получать эти металлы тазы не умели, поэтому покупали их у китайских, маньчжурских и русских купцов. Кузнечество и металлообработка были известны тазам с XIX в. Орудиями кузнечного промысла служили кузнечные меха *хунгся*, щипцы *сяо хутучанзэ*, молот *та цуизэ*, набор мелких молотков *сяоцуизэ*, а также наковальня и горн. Кузнецы отливали в каменных или глиняных формочках браслеты, кольца, серьги, подвески на одежду. Была известна и холодная обработка металлов [16, с. 68—69].

Поражает богатство географической лексики. Она развита детально. Так, для обозначения возвышенностей существует несколько терминов: *са* — маленькие горы, покрытые лесом, *таса* — высокая горная цепь, лежащая выше границы леса, *лаифу* — гора, где находится кумирня из камня, *танцилю* — гольцовые террасы, *лоли* — перевал через горы, *сытутянза* — каменные солонцы, *таза са* — тазовские горы, *барнауха* — гора диких баранов.

Тазы были искренне убеждены в святости горных вершин. Сохранилась вера в хозяев гор как собственников зверей, распоряжающихся их судьбой. Культ гор уходит своими корнями в древность. Охотники поднимались наверх в надежде встретиться с божественными обитателями и расспросить их о тайнах бытия. Культ священных гор был широко распространён в Китае и Корее. Ещё в начале XX в. из 520 обрядов жертвоприношения почти 200 приходилось на почитание *Сааксин* — духов четырёх вершин. Заснеженные горы для тазов были и остаются местом обитания духов мифических предков.

Такая же детальность имелась и у гидронимов: *тисуй* — речной порог, *сов* — пережат, *эдзязя* — две развилки, *тынцайза* — три рукава реки, *песофу* — водопад, *чаиту* — родник, *эдалгоу* — приток реки, *саму* — речные валуны, *гоухэ* — речушка, не имеющая постоянного стока, *пинхэ* — болото, *каха* — сухая протока, *саохолу* — небольшая речка, *сан поуза* — горное озеро, *лангоу* (синяя падь) — бухта [19].

Необычную форму и отличительные признаки природных объектов, особенности их хозяйственного использования, а также ландшафта, флоры и фауны тазы фиксировали с помощью названий. Так, среди тазовских топонимов в Приморском крае можно встретить: урочище Хэтэнгоу (Ольгинский р-н) — область произрастания маньчжурского ореха, р. Ингоу — участок, где много желудей, р. Зотанзыгоу — пространство, удобное для земледелия, р. Квандагоу — казённая дорога, р. Тисуй — водопадная, р. Суту — там, где много камней, пригодных для кладки *кана*, р. Панцигоу — место, где много женьшеня, р. Тянзо — солонцовая река, р. Улахэ (приток р. Уссури) — местность, где растёт трава ситовник (*Cyperus*) для подстилки в обувь. Такой способ номинации природных объектов служил важным средством ориентации в пространстве и определял хозяйственную деятельность.

В некоторых названиях географических объектов нашли отражение выдающиеся признаки. Например, в Тернейском р-не Приморского края встречается топоним *Кяма*. Это имя первоначально присвоено высокой горе хребта Сихотэ-Алиня, а затем — реке и посёлку. Реки Амур и Уссури назывались одинаково — Хонхэ (Чёрная река). Вероятно, в этом названии нашёл отражение характерный признак гидронимов — цвет мутной воды. Тадуши (р. Зеркальная в Кавалеровском р-не Приморского края) — русская адаптация китайского гидронима *Дацзышуй*, т.е. Тазовская река, или Река, на которой живут тазы. По сведениям Л.И. Сем и Ю.А. Сем, непосредственно на самом северо-западном берегу Японского моря из 653 географических названий всего 65 — нерусского происхождения. Это топонимы тунгусо-маньчжурские, нивхские и тазовские [15, с. 18].

Ориентирами в пространстве служили пути сообщения. Прежде всего, тазам хорошо известны сухопутные пути Приморья. Они пролегали вдоль берега моря и рек, оврагов, шли к речным бродам и через перевалы. В уссурийской тайге было много троп, проложенных человеком и животными. Тазы выделяли среди них: *палито* — насыпную дорогу, *цето* — вьючный путь для лошадей, *панза* — лыжный путь, *лито* — тропы изюбров, *езито* — тропы диких кабанов, *позуцун* — тропы диких коз [19]. Хорошо знаком тазам вьючный путь, ведущий от пос. Бельцево к зал. Ольги. Он тянулся на 236 км вверх по долинам р. Улахе, её притоку Лифудзин, переваливал через хребет Сихотэ-Алинь, выходил в долину р. Аввакумовка и по ней — к зал. Ольги. Отсюда к зал. Владимира им был известен ещё один вьючный путь протяжённостью 21 км. Многие исследователи

и путешественники прошли по тропам и дорогам, известным аборигенам Приморья, подробно их описали и нанесли на топографические карты.

Постоянными ориентирами в тайге являлись водные пути, горный распадок и водораздельный хребет. Тазы давно заметили, что истоки рек бассейна Усури находятся в хребтах Сихотэ-Алиня. Все они текут в широтном направлении с востока на запад. В этом случае, при движении по территории края, учитывали направление течения (вверх и вниз) рек Бикин, Иман, Ваку с притоками Тамга, Кубурхе, Большая Ситуха, Малая Ситуха, Даубихе, Улахе. Другая группа рек текла с запада на восток и впадала в бассейн Татарского пролива. Это реки Ботчи, Самарга, Тетюхе, Нельма, Тадуши, Ольга, Аввакумовка и др. Многочисленные водные артерии служили аборигенам Приморья не только путями сообщения, но и главными ориентирами в пространстве [11, с. 43, 216—218].

В практических целях тазы использовали знания о сторонах света: южная сторона обозначалась словом *намбя*, северная — *пэйбя*, восточная — *тунбя*, западная — *сибя*. Терминология ветров произошла, вероятно, от представлений о сторонах света. Например, *пейбя гуахун* — ветер с севера. Тазы отмечали две климатические зоны: местность с холодным климатом *паифон* и тёплые края — *тофон*. Подобные представления о сторонах света нашли отражение и в языке удэгейцев [11, с. 44—45].

Мерами времени служили сутки *ича*, месяц *веля* и год *аня*. Сутки делили на 7 периодов: солнце село («сумерки») *ехий неанля*, вечер *съявеля*, ночь *съявехэ*, полночь *съявехэ ила*, солнце взошло («рассвет») *ленгля*, утро *товсе*, полдень *котанла*. Счёт времени в исчислении суток начинался от восхода и заканчивался заходом солнца. Единицы же для измерения отрезков времени меньше суток — час, минута, секунда и их доли — в традиционном календаре тазов не отмечены.

Имели значение меры длины, обусловленные процессом охотничьего промысла, который требовал от зверобоя умения определять на глаз расстояние, что пролетает стрела или пуля для поражения цели. Такая мера длины называлась *тимбе* (нужное расстояние до объекта охоты). Её величина — весьма приблизительна, а для определения необходимо было иметь острое зрение. Понятие *нейга* (далеко) обозначало расстояние до недоступного объекта охоты, *ича* (день пути) характеризовало путь, пройденный человеком за один день.

Для измерения дневного времени тазы использовали солнечные часы. Циферблатом служила ровная горизонтальная площадка, на которой вертикально укреплялась дощечка, отбрасывающая тень. Подмечено, что самые длинные тени от предметов, освещённых солнцем, бывают утром, к полудню они укорачиваются, а к вечеру вновь удлиняются. Также люди обратили внимание, что тени в течение дня меняют не только размеры, но и направление. По положению тени определяли истинное солнечное время. Первые солнечные часы были известны в Индии, Китае и Египте около 3000 лет тому назад [21, с. 28].

Тазам был хорошо знаком лунный календарь. Они выделяли 5 лунных фаз: новолуние *мыяву велян*, полнолуние *ма велян*, узкий серп *яа велян*, первая и последняя четверть *мыма велян*. Лунный месяц соответствовал синодическому месяцу и составлял 30 дней. Счёт дней отмечали при помощи зарубок на палке или узелков, завязываемых на особых шнурах. Тазы обратили внимание, что между временами года приходится делать примерно одинаковое количество зарубок или узелков. Открыв для себя эту закономерность, они заранее завязывали определённое количество узлов, а затем ежедневно развязывали по одному — так могли приблизительно определить наступление того или иного времени года. Узелковыми календарями широко пользовались якуты, эвенки, негидальцы, юкагиры и многие народности Полинезии [14, с. 14].

Солнечный год *аня* делили на 4 сезона: весну *цин*, лето *ща*, осень *чу*, зиму *тунтхен*. Новый год отмечали с наступлением зимы. Праздник устраивали на льду. Новогодний ритуал сводился к зажиганию нового огня, угощению людей и духов, погашению долгов. Во время праздника стреляли из ружей, танцевали, пели песни, играли, приглашали друг друга в гости.

Месяцы по лунно-солнечному календарю начинались с новолуния. Началом нового года считалось новолуние, предшествовавшее переходу солнца в созвездие Водолея. Этот момент приходился на январь или февраль, т.е. время точно посередине между зимним солнцестоянием и весенним равноденствием. Год состоял из 12 месяцев. Каждый месяц *ве* отмечался числовой характеристикой: первый месяц, второй месяц, третий месяц и т.д.

У тазов ещё в конце XX в. использовался сезонно-хозяйственный календарь. В этнографических экспедициях нам удалось записать следующие названия: *цунзьянь* — начало весны (март), *чийве* — жаркий месяц (июль), *уйве* — рыбный месяц (август), *ту ве* — начало зимы (ноябрь), *се ве* — снежный месяц (декабрь). При помощи такого календаря легче было определять сроки охоты, рыбной ловли, посева.

Необходимость находить путь в незнакомой местности, рассчитывать наступление периода дождей или холодов привела к развитию астрономических наблюдений и установлению связи между явлениями природы и появлением на небе определённых ярких звёзд *сингся*. Для тазов характерна архаичность в названиях созвездий, связанных с числовой символикой, то же самое отмечено у нанайцев [10, с. 427]. Тазы выделяли пояс Ориона, который называли *Санга сингся* (Три звезды); считали, что от него расходятся девять небесных дорог. Появляется он зимой во время сильных морозов. Положение, появление и движение этих звёзд зависит якобы от воли божественного существа *Санчинзе* — вершителя судьбы человека. Другое созвездие, *Сансин*, включает в себя 6 звёзд, расположенных по 3 на параллельных линиях. Эти звёзды появляются на западе осенью раз в три года и указывают направление купеческого пути в г. Сансин (Илань).

На ночном небе особо выделяли Млечный Путь — *Тхун Хэ* (Серебряная река). Сохранился миф о Млечном Пути как о небесной реке. В нём говорится, что давно в центре неба жила семья из 5 чел. — мужа, жены, двух дочерей и тещи. Тёща не любила зятя. Однажды они поссорились. Тёща гребнем разделила звёздное небо на 2 части, в результате образовался непроходимый водный поток. На правой (меньшей) стороне реки остался зять, а на левой (большей) — его тёща, жена и дети. Раз в год на седьмой месяц по лунному календарю жена и муж встречаются. От радости они плачут. Тазы верили, что в этот памятный день через стебель пустотелого растения, направленного раструбом к небу, можно подслушать их разговор. Похожая легенда широко распространена в Китае, откуда вышли предки тазов, только там действующими лицами являются Пастух и Ткачиха. Названия Млечного Пути с семантическим компонентом «река» отмечены у нанайцев, корейцев, китайцев, маньчжуров, японцев и др. [10, с. 431].

Народные наблюдения за Венерой (*Лянсини*) и связанные с ней смысловые названия точно характеризовали её свойство и служили практическим руководством в повседневной жизни. У тазов было два разных названия Венеры: *Армаолун* (первая вечерняя звезда) и *Татинзе* (утренняя звезда). По восходу над горизонтом этого светила определяли время завтрака и ужина. У Венеры *Татинзе* просили здоровья.

У исследуемого этноса существовала и народная метрология. Измерению подвергались пространство и предметы, игравшие важную роль в производственной жизни этноса. В качестве измерительного инструмента использовались орудия труда, рука и её части, ступня, шаг, рост человека и его производные. Популярной мерой длины была сажень — *итоу* (равная размаху рук с вытянутыми пальцами) и её половина — *пеля*. Самая распространённая единица измерения длины — большая пядь *тосе* и малая *сансе*. Меры с подобными названиями были известны удэгейцам, орокам, ульчам, нанайцам, монголам и алтайцам [11, с. 49]. Наличие однокоренных слов среди названий народных мер свидетельствует об их этимологической общности и древних этнокультурных связях. Для жидкостей и сыпучих продуктов не было единой стандартной меры. Объём мерили цилиндрическими и квадратными берестяными коробами.

Считали при помощи пальцев рук *сонсубел*. Счёт начинали с большого пальца левой руки *арбсе*, затем прижимали указательный палец к ладони и считали до десяти. Сохранился *дои сонсубел* — счёт пятью пальцами. Примечательно, что мерой *косу лян*, связанной с проекцией пальца руки, определяли длину и толщину предметов.

Основные хозяйственные занятия тазов сформировали у них сумму математических знаний, прежде всего счёт и измерение. Ещё в середине XX в. сохранялся счёт десятками. Числа от 1 до 10 имели свои названия: *ига* (1), *лянга* (2), *санга* (3), *шига* (4), *уга* (5), *люга* (6), *сига* (7), *фага* (8),

тюга (9), *исига* (10). Остальные числа образовывались путём комбинации единиц с десятками. Например, 11 — *исига-ига*, 21 — *эши-ига*, 31 — *са-за-ига*, 41 — *сусу-ига*, 51 — *вусэга-ига*, 61 — *лувска-ига*, 71 — *ниса-ига*, 81 — *пашу-ига*, 91 — *кюусага-ига*, 200 — лянга-абаи и т.п. Сотня называлась *абай*, тысяча — *итя*. Миллион имел два названия: *ниман* и *ива* (множество).

Имелись представления о круге *че* и квадрате *чуо*. Они были необходимы при изготовлении предметов повседневного пользования — кухонной утвари, мельничных жерновов, молотильных орудий, повозок и мебели [17, с. 70—71, 80—81, 90]. Обычными работами были постройка домов, рытьё колодцев, силосных ям. Никакой планировки не велось: дома строили там, где было свободное место.

У тазов обнаружены счёты типа русского абака — *тясу*. На них плодами фасоли отмечались числа в уровнях, идущих параллельными рядами снизу вверх: на нижнем — единицы, на среднем — десятки, затем — сотни и т.д. Числа записывали особыми знаками. Например, при помощи знака в виде квадрата с крестом внутри, обозначающего цифру 6, отмечали количество заготовленных мешков с мукой.

Материал, собранный нами в ходе наблюдений за этносом в различные годы, характеризует достаточно развитые знания о флоре и фауне [16, с. 35—48]. Охотники, хорошо понимая особенности питания, время размножения животных, а также их повадки и привычки, успешно вели промысел. С учётом этих знаний применялись приёмы добычи зверей и птиц. Наиболее древний вид охоты — ловчие ямы с системой заграждений. Долго сохранялась добыча медведя в берлоге с помощью копыя *тида*. Применяя огнестрельное оружие, тазы успешно охотились на изюбрей, пятнистых оленей и лосей на солонцах *тиянсан*. Охотник располагался на ветвях дерева, построив для этого специальный настил *яуза*. На этой вышке он подкарауливал приходивших животных. Широко использовался во время охоты манок *лутунза*. Его делали из берёсты. В отличие от более совершенных манков удэгейцев и нанайцев, манок тазов не имел специальной пищалки. Звук издавали языком, втягивая воздух в себя. Этот звук был похож на рёв изюбря во время гона. Зверь, услышав крик воображаемого соперника, приближался на выстрел и становился лёгкой добычей промысловика. Для охоты на косуль употребляли берестяные пищики *пуна*, с помощью которых подражали крику детёнышей. Чёрных рябчиков и глухарей ловили посредством петли на палке. Охотник подходил к месту, где сидела токующая птица, и надевал ей на шею петлю.

Многочисленные названия диких животных, птиц и рыб формировались на базе наглядных образов предметного мира: *хизяга* (вонючий зверь) — медведь, *сё хизяга* (маленький медведь) — чёрный белогрудый медведь, *та хизяга* (большой медведь), *хичазамотоза* — бурый медведь,

езу — дикая свинья, *суита* (водяной зверь) — выдра, *инзуиза* (земляной зверь) — барсук, *хосинза* (жёлтый зверёк) — колонок, *тахолза* (большая мышь) — крыса, *тому хуанза* — жёлтый дятел, *фафайви* (рябая рыба) — пеструшка, *кадаю* (горная рыба) — горная форель, *фабаию* (плоская рыба) — камбала, *логоза* (горбатая рыба) — горбуша, *татуи* (большая голова) — морской бык [19].

Наконец, для промысловой практики приобретало значение умение распознавать след зверя и определять степень его свежести. Здесь были нужны острое зрение, осязание и способность делать верные выводы на основании незначительных признаков. Охотники заметили: если следы соболей идут в разные стороны, то зверьки живут здесь постоянно. Иногда большинство следов идёт в одном направлении. В этом случае тазы усматривают миграцию соболя вследствие недостатка корма [5, с. 158].

Искусство следопытов было столь велико, что они опознавали по следам своих и чужих людей, их занятие, национальность, маршрут и многое другое. Александр Фадеев в романе «Последний из удэге», характеризуя следопыта-таза Лозу, писал: «Рассматривая следы, человек заметил дорогу, идущую из соседнего распадка. Он немного спустился, изучая её. Одна лошадь была поменьше, кованная только на передние ноги, другая — побольше, кованная на все четыре. Вёл их один — русский, судя по обуви, — человек с небольшими ступнями. Несмотря на то, что он лез в гору, он шёл не на носках, как ходят молодые, люди со здоровым сердцем, а ставя накость полные ступни, — человек этот был немолодой. Если он был не дурак, он мог идти этой малоудобной дорогой только из деревни Ивановки» [20, с. 187].

Жизнеобеспечивающим фактором для большинства тазов служило речное и морское рыболовство, поэтому они постоянно наблюдали за жизнью обитателей подводного мира, имели хорошие снасти и применяли на практике накопленный опыт и знания удачливых рыбаков. Богато представленные разделы лексики, связанные с речным и морским промыслом, отличаются большим разнообразием и детализацией. В языке тазов сохранились следующие названия обитателей водной стихии: осенняя кета *тамуха*, сима *симую* (*чимуюй*), таймень *цэлэюй*, горбуша *лагоза*, ленок *силивию*, акула *фянвию*, рак *хэсеза*, черепаха *вамба*, нерпа *хайгу*, морж *хайню*, камчатский краб *сеза*, трепанг *хайсын*, съедобные моллюски *кала* [18]. Систематические наблюдения за обитателями водоёмов помогали выбрать места лова, выработать особую тактику поведения во время рыбалки. Представители изучаемого коренного этноса знали повадки рыб, места нереста, обладали подробной информацией по анатомии промысловых рыб, особенно горбуши и кеты; они заметили, что, если горбуши бывает много, ход кеты будет слабым.

Многовековой опыт общения с природой нашёл отражение в названиях местных диких птиц. Дятла называли *тому хуанза*, ворону — *ловаза*,

гуся — *га*, ласточку — *соня*, фазана — *ети*, филина — *мовто*, сороку — *сунья*, коршуна — *ин*, рябчика — *суги*, дикую утку — *суяза*, журавля — *цанбоза*, цаплю — *лотон*, утку мандаринку — *яо*. Охотники обратили внимание на голосовые сигналы пернатых. По «языку» птиц они обнаруживали местонахождение зверя, рыбы, наличие ягод и орехов в тайге, а также заметили, что рябчики и сойки часто встречаются у плодоносящего женьшеня. Коренные народы великолепно подражали крику уток и гусей и пользовались этим умением при весенней и осенней охоте. Промысел зверей, птиц и рыб позволил создать сложный набор приспособлений, орудий, средств передвижения. Занимаясь охотой и рыболовством, тазы хорошо освоили промысловую базу своего района, заметили миграции зверей, сезонный ход рыбы на нерест.

Постоянно наблюдая за поведением животных и птиц, тазы научились прогнозировать погоду на ближайшее время. Опытные наблюдатели ожидали осадки: когда дятлы часто издают звуки *пи-пи*, собаки валяются на спине, высоко в небе кричат коршуны, увеличилось количество гнуса, низко летают стрижи и ласточки, собаки сильно пахнут. Подобных примет сохранилось много.

Данные этнографии и языка тазов свидетельствуют о том, что домашние животные и птицы — собака *куву* (кабель *ягоу*, сука *мозову*), овца *ян*, домашняя свинья *зу*, корова *юй ню*, бык *манг ню*, лошадь *ха* (*мурин*), куры *муди* — издавна занимали значительное место в экономике и культуре. Представлены наименования домашней свиньи по половозрастному признаку: самка *музу*, годовалый кабан *неусу*, боров кладеный *тязу*, большой кабан *кунгполанзе*, поросёнок *туза э*. Известно, что свинья была первым домашним животным у маньчжуров. Археологические материалы свидетельствуют, что мохэсцы, бохайцы и когурёсцы повседневно употребляли свиное мясо в пищу [17, с. 69]. Свинья считалась символом плодородия и, вероятно, относилась к жертвенным животным. Культ свиньи нашёл отражение у нанайцев и удэгейцев. Её мясо шаманы приносили в жертву духам. Свинина с удовольствием употреблялась в пищу. Последний, двенадцатый, год в системе исчисления по календарю двенадцатилетнего животного цикла у нанайцев, назван в честь кабана — *олчян* [10, с. 165—166].

В культуре питания тазов, удэгейцев и нанайцев, сохраняются блюда из сырого мяса или рыбы, в то время как в китайской кухне сырая животная пища исключена [12, с. 169, 294; 22, с. 172].

Народные знания о растениях, имевших большое значение в жизни тазов, широко представлены в этнической терминологии [16, с. 49, 51—52]. Тазам известны местные дикорастущие растения, которые обладают высокими пищевыми и лекарственными качествами, но в культуру не введены. Среди них необходимо отметить женьшень *панцуй*, 3 вида амурского винограда — *еноту*, *футу* и *пунцоу*, землянику *каолингуа*, актинидию

казауза, 2 вида яблонь — танлиза и пингуа су, чернику цоулиза, шиповник цимогоза, черемшу ханцоу, боярышник сандахун, грушу ли су, калину мянёсу, лимонник китайский вупойзакейза, морскую капусту хайце, черёмуху цоулиза и др.

Тазам известны сотни растений, сроки их вегетации, места произрастания, полезные свойства. Древесные породы (дуб *сувасу*, черёмуха *цоулиза*, кедр *квасу*, пихта *папицу*, чёрная берёза *хэйхо*, бархатное дерево *фомпуоло*, лиственница *фанфасун*, клён *сайсу*) рационально применялись в качестве материалов для поделок. Из древесных пород получали красители и дубильные вещества. Жёлуди *чаунза*, кедровые орехи *сунзей* и ягоды черёмухи *цулису* употреблялись в пищу. Тазы считались хорошими специалистами по производству утвари из берёсты *пейфа*. Заготавливали её чаще всего весной. Снятую кору размачивали в воде, сворачивали в трубку и кипятили, чтобы сделать её мягкой и эластичной. Из нитей конопли и крапивы при помощи мотовила *фартингзэ* научились скручивать верёвки. Из нитей конопли изготавливали рыболовные и охотничьи облавные сети. Плели их с помощью деревянной иглы, размер первых ячеек измерялся по деревянным лекалам. Из камыша *вэйлуза* мастерили циновки; из корней и прутьев плели корзины.

Большое значение в питании тазов имели грибы *могу*, растущие на деревьях. Их заготавливали впрок (сушили, солили и мариновали), они шли на продажу китайским перекупщикам. Берёзовый гриб *чага* применяли в народной медицине как мочегонное средство. Для сохранения огня использовали грибы-трутовики *моэы*. А.Ф. Будищев писал: «Из древесных губок делают трут для добытия огня, запасы трута делают большие, ибо всё лето ни китаец, ни дикарь не выйдет в лес без дымящейся губки, повязанной вокруг головы, которая спасает их от комаров и мошек» [7, с. 38].

Тунгусо-маньчжурам, нивхам и тазам были знакомы волокнистые растения, прежде всего крупные осоки. Осоку пушистоплодную тазы называли *улоцо*. Сухую траву они накладывали зимой для мягкости и тепла в башмаки из звериной или рыбьей шкуры (*улу*). Это была та самая трава, которую маньчжуры причисляли к трём благам (соболь, женьшень и трава *ула-цхао*), дарованным небом их родине [13, с. 112].

Тазам, нанайцам и удэгейцам давно известен лечебный женьшень (рис. 2). Удэгейцы

Рис. 2. Женьшень *панцуйю*

именовали его *олондо*, нанайцы — *орхуда*, тазы — *панцуй*, *банчу*. Различали его по весу, количеству боковых побегов, возрасту. Тазам знакомы следующие разновидности женьшеня: *сипие* (4 отростка), *упие* (5 отростков) и *тантайза* (3 отростка), а также венчик с ягодой *панцефа*. *Тантайза* считался непригодным для лечения. Обычно выкапывали корень *упие*, которому, по мнению тазов, может быть и 6, и 20, и 100 лет. Возрастная характеристика растения свидетельствует о его большом значении в жизни народа. Тазы и нанайцы ориентировочно судили о возрасте женьшеня по общей высоте побега, количеству и величине плодов, подковообразным рубцам от старых отростков на шейке. Лучшие виды корня, в их понимании, пахнут сыростью и имеют черноватую сердцевину. Сырой корень горьковато-сладкий, вяжущий, чуть слизистый. Полное созревание растения, т.е. образование цветков и плодов, обычно наступает не раньше 8—10 вегетации. Иногда выкапывали крупные корни толщиной с руку, длина которых доходила до полуметра [10, с. 216—217].

Сохранился ряд примет, связанных с поиском женьшеня. Растение обычно искали среди вековых кедровников и ельников, где растут клён и липа, нет сплошного ковра мха. Замечено, что женьшень растёт обычно в тенистых уголках на южных склонах, покрытых папоротником, где не бывает лесных пожаров. Иногда на нескольких квадратных метрах добывали до 10 и более целебных растений. Поиском женьшеня занимались мужчины. Успешный промысел и выгодная продажа корня позволяла погасить долг или кредит, получить средства, необходимые для существования.

Нанайцы, удэгейцы и тазы накопили необходимые знания о лечебном женьшене. Они отмечали, что его корень, выкопанный до созревания ягод, быстро портится и имеет низкое качество. Промысловик, руководствуясь народным опытом, осторожно срезал стебель и листья, корень тщательно очищал щёткой, стараясь не повредить ни единого волоска, ни единой мочки, обкладывал его мхом *тинсемо* и сохранял в кедровом коробе. Ягоды закапывались вблизи.

Опытные искатели женьшеня, руководствуясь конкретными знаниями об условиях его произрастания, сеяли семена в подходящей почве на плантациях, расположенных на восточных и западных склонах гор, и регулярно ухаживали за саженцами [2, с. 241—243]. Эти плантации передавались по наследству.

Корень женьшеня, по мнению тазов, похож на человеческую фигуру. Покровительствует растению бог *Тунза Лабодё*. По представлению тазов, женьшень может превратиться в человека, тигра, птицу. Ветвистый корень тазы называют «мужским», приписывая ему большую целебную силу, менее ветвистый — «женским». Убеждения о женьшене как о живом существе в легендах сложились неслучайно [2, с. 235—236].

Знахари тазов верили, что лекарственный женьшень *панцуй* возвращает молодость. Тазы, как и китайцы, считали, что корень женьшеня, приносящий

красный цветок и имеющий желтовато-бледный оттенок в высушенном виде, — символ мировых начал (слизи, земли, ветра). Ему приписывалось лечебное действие «от всех болезней» [9, с. 32; 13, с. 107—109].

В огородах выращивали табак *ean*, дыни двух сортов — *тяньгоа* и *сянгоа*, арбузы *сигоа*, огурцы *хуанго*, помидоры *фомидора*, картофель *тодоуцзы*, салат *чинцай*, салатную капусту *байцай*, лук *цун*, чеснок *ихэцей*. Пытались сеять лён *янга*, однако эта культура в Приморье не прижилась. Гребнисто-грядковая система возделывания почвы позволяла максимально использовать влагу в сухое время года и отводить её излишек в дождливые сезоны. Известны были чередование культур, внесение в почву органических удобрений. Названия всех основных сельскохозяйственных культур, орудий, техника земледелия и приёмы полеводства носят черты влияния китайского земледелия [16, с. 50].

Большой популярностью пользовался горох *вандоу*. В Приморье культивировали местные сорта чёрной *лоальянсо хэйды*, белой *чатудоуза* и пёстрой *цайдоуза* фасоли. За бобами тщательно ухаживали, стремились добиться максимального роста стебля, для чего поднимали его на значительную высоту. Тазы успешно занимались посевами зерновых культур. Для них отводились лучшие земли. Основными продовольственными культурами из злаков были просо липкое *ня ми* и крупяное *хуамиэми*, чумиза *сёмиза*, пшеница *сяомэй*.

В глубокой пади, вырубив лес, тазы сеяли мак *даян*, который служил как для пищевых целей, так и для получения опиума *тае* (большой табак). При помощи особого ножа с двумя тонкими лезвиями делали надрез на незрелых головках мака. Высушенный млечный сок употреблялся в качестве наркотического и болеутоляющего средства. Опиум приносил большой доход при продаже китайцам и маньчжурам. В лечебной практике его применяли при желудочных заболеваниях. Раньше без курения опиума не обходился ни один праздник; также тазы курили табак *ean* и пили алкогольный напиток *теу*.

Сведения о народных способах врачевания тазов незначительны, они дошли до нас в письменных источниках, собранных путешественниками и учёными, а также в устных сообщениях [12, с. 154—166].

Тазы по-своему объясняли причины заболеваний человека. Болезнь, по их мнению, возникает вследствие злой воли сверхъестественных существ и душ мёртвых людей. Например, холера — гнев бога этой болезни. В кумирнях его изображали с зелёным лицом и красными волосами. У него имелось 4 помощника, которых разгневанный бог посылал в разные места, где и возникали эпидемии.

У знахарей сохранился обычай лечения болезней средствами животного происхождения [16, с. 45; 13, с. 157—160]. Интерес представляют панты оленя *кизе*. В.К. Арсеньев подробно описал сложный процесс получения пантокрина при помощи варки пантов [4, с. 339]. В настоящее

время экспериментально доказано, что препарат из пантов положительно влияет на функции сердечно-сосудистой системы, кишечника, матки, скелетной мускулатуры и рекомендуется при функциональных заболеваниях нервной системы, пониженной половой функции, общем переутомлении и т.д.

Обзор собранного нами материала ясно показывает, что было распространено использование в медицинских целях медвежьей, кабаньей и змеиной жёлчи *тза*. Так, при плохом зрении тазы применяли препарат из смеси жёлчи змеи и рыбьего жира. Использование змеиной жёлчи в качестве лечебного средства известно и китайской традиционно-устной медицине. Медвежью и кабанью жёлчь тазы применяли при болезнях желудка. Кроме того, жёлчью медведя лечили обморожение. По данным В.К. Арсеньева, среди аборигенов Приморья и Приамурья была распространена трахома, которую принесли китайцы; её также исцеляли медвежьей жёлчью [1, с. 345].

Мукус кабарги *салюнсян* применялся как ценное лекарство при болезнях сердца и других недомоганиях. Восприятие этого вещества как лекарственного средства проникло в тибетскую медицину и укрепилась в ней. К сожалению, у тазов не осталось народных целителей, знающих секреты лечения этим препаратом.

Из костей тигра *ламаза* готовили экстракт — тонизирующее средство для пожилых женщин. Сушёная кровь тигра являлась популярным лекарством у мужчин. При болях в суставах и обильных менструальных кровотечениях применяли препарат из плода оленя, добытого из матки, и его хвостовых желёз. Сведения об этих лекарствах нашли отражение в тибетской, маньчжурской и китайской традиционно-устной медицине [8, с. 36—37].

Наряду со средствами животного происхождения, тазы применяли в лечебных целях местные дикорастущие и культурные растения [12, с. 160—163]. Было замечено, что ряд деревьев, кустарников и трав Приморья обладает лекарственными свойствами. Такие растения стали называть *еов* (целебными).

В лечебных целях врачеватели употребляли кору и ягоды бархата амурского *фамоволя*. Кору собирали только с молодых стволов не старше 3—4 лет. Бархат амурский был значимым лекарственным средством в народной медицине нанайцев и удэгейцев [11, с. 140].

Широкое использование в народной медицине тазов получило свойство перца *ладёву* и чеснока *соа* сильно раздражать слизистую и кожу (в пластырях их назначали при ревматизме). Перец и чеснок считались настоящей панацеей, средствами, пригодными для излечения многих болезней (чеснок рекомендовали при слабости зрения, перец — при диарее).

Давно отмечено тазами значение лука *цун* в культуре питания и народной медицине. В устной традиции сохранилось поверье о луке: в семье жили 2 мальчика, к ним взяли сироту. Родители решили кормить его

луком, считая, что лук горький и ребёнок много не съест. А родным детям стали давать дыни и арбузы. Сирота вырос крепким и здоровым, а родные мальчики оказались хилыми и болезненными. В итоге лук оказался для здоровья полезнее дынь и арбузов.

Большое значение в медицине тазов имели тмин *фейся* и укроп *хуйи-сян*. В начале созревания срезали верхушки с незрелыми семенами и связывали в пучки; после высыхания их обмолачивали, а плоды отсеивали. Отвары и настои из этих семян назначали при холециститах и камнях в жёлчном пузыре.

Отваром полыни *хауза* успешно лечили опухоли от укусов насекомых. Лист лопуха *пата* смазывали керосином и прикладывали к болезненным местам при ревматизме. Корни чистотела и смола пихты *сунсююза* считались хорошим средством для врачевания ран.

Важными лечебными средствами и компонентами пищевого рациона служили дары моря: трепанг *хайсын* и морская капуста *хайце*. Морскую капусту тазы раньше даже подкладывали под основу *фанзы*, т.к. верили в её магические свойства.

Также в лечебной практике применяли чёрные бобы *фандау*. Зола растения использовалась для лечения мокрых язв на теле, сами бобы способствовали увеличению массы тела при истощении. Ростки сои *туя* применялись как очистительное средство для желудка.

Самым популярным лекарством при расстройстве желудка была жидкая рисовая каша *цизу* и отвар из корней шиповника *цинкоза*. Дизентерию лечили отваром из сухих ягод черёмухи *цулису*. Ягоды лимонника китайского *вупайзакейза* применяли для повышения работоспособности у мужчин [12, с. 162].

К числу традиционных методов, широко применяемых в лечебной практике тазов, следует отнести акупунктуру и кровопускание. Была хорошо развита техника наложения швов на рану. При ушибах, вывихах, переломах костей практиковались охлаждающие компрессы.

Акушерством занимались повивальные бабки. Женщина рожала обычно лёжа на спине. Во время родов запрещалось кричать, чтобы не привлечь злых духов. Новорождённого (*совха*) обязательно обмывали водой и заворачивали в мех рыси. Пуповину зарывали в землю. В акушерской хирургии прибегали к поворотам на ножку (эмбриотомия); также тазы были знакомы и с техникой кесарева сечения. После извлечения плода и удаления последа акушерка перевязывала пуповину и сшивала края разреза сухожильными нитками. Родильниц помещали в специальный шалаш для обеспечения стерильности [12, с. 164].

В последние годы как один из способов лечения простудных заболеваний получила распространение русская парная баня с берёзовым веником. Тазы до прихода русских бань не строили. Сегодня почти при каждом доме есть баня и дровяной склад для её отопления. Тазы больше

обращаются к лечебным травам и продуктам пчеловодства. Мёд, прополис, маточное молочко, пыльца применяют для лечения многих болезней.

Таким образом, у тазов получили развитие народные знания, отражающие производственный опыт и мировоззрение кочевников, земледельцев, охотников, рыболовов и собирателей. Стабильным оказался субстратный вариант знаний, связанный с преобладающей экономикой земледелия, ролью охоты и собирательства. Это расширило возможности этноса в отношении хозяйственной специализации и адаптации к ландшафтно-климатической зоне Приморья.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Арсеньев В.К. Вымирание инородцев Амурского края // Труды 1-го Съезда врачей Приамурского края 23—28 августа 1913 г. в г. Хабаровске: материалы по изучению Приамурского края. Вып. 20. Хабаровск, 1914. С. 338—351.
2. Арсеньев В.К. Искатели женьшеня в Уссурийском крае. Собр. соч. в 6 т. Владивосток: Примиздат, 1947. Т. 4. С. 231—247.
3. Арсеньев В.К. Лесные люди — удэгейцы. Собр. соч. в 6 т. Владивосток: Примиздат, 1948. Т. 5. С. 139—202.
4. Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. Владивосток: Примиздат, 1949. 427 с.
5. Арсеньев В.К. Соболь и способы охоты на него в Уссурийском крае. Собр. соч. в 6 т. Владивосток: Примиздат, 1949. Т. 6. С. 153—177.
6. Большев Л.А. Русское побережье Тихого океана // ИСО ИРГО. Иркутск, 1877. Т. 8. № 3—4. 156 с.
7. Будищев А.Ф. Общий взгляд на главнейшие местные условия Приамурского края как в отношении лесов, так и поселений русских // Сб. главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью: Леса Приамурского края. Описание лесов Приморской области. Иркутск, 1883. Т. 5. Вып. 1. С. 3—59.
8. Завойский К.И. Медицина и врачи в Маньчжурии // Русский антропологический журнал. М., 1905. № 1—2. С. 1—72.
9. Кирилов Н.В. Китайская медицина в её прошлом, отходящем в область предания, и зачатки медицинской организации в Китае по европейскому образцу // Труды 1-го Съезда врачей Приамурского края 23—28 августа 1913 г. в г. Хабаровске: материалы по изучению Приамурского края. Хабаровск, 1914. Вып. 20. С. 31—37.
10. Подмаскин В.В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: проблемы этногенеза и этнической истории. Владивосток: Дальнаука, 2006. 540 с.
11. Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографические исследования по материалам XIX—XX вв. Владивосток: ДВО РАН, 1998. 228 с.
12. Подмаскин В.В. Этномедицина и этнодиетология в истории и культуре народов Дальнего Востока (XVIII—XX вв.). Владивосток: Дальнаука, 2011. 303 с.
13. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае (1867—1869 гг.). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1990. 332 с.
14. Селешников С.И. История календаря и хронология. М.: Наука, 1970. 223 с.
15. Сем Л.И., Сем Ю.А. Топонимы и гидронимы Японского моря // Тезисы докладов на 1-й научной конференции по мореплаванию и изучению Тихого океана и по использованию ресурсов дальневосточных морей. Владивосток: ПФ ГО АН СССР, 1967. С. 17—18.

16. Сем Ю.А., Сем Л.И. Тазы: этническая история, хозяйство и материальная культура (XIX—XX вв.) // Труды Института ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН: этногр. исследования. Владивосток: Дальнаука, 2001. Т. 10. 172 с.
17. Семенченко Л.Е., Болдин В.И. Новые данные о сельском хозяйстве бохайцев Приморья: по материалам археологических исследований // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981. С. 66—70.
18. Сообщение В.В. Сыра. Приморский край, 2002 // Полевые материалы автора.
19. Сообщение Г.Ч. Лана. Приморский край, Ольгинский район, с. Михайловка, 1993 // Полевые материалы автора.
20. Фадеев А.А. Последний из удэге. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1981. 543 с.
21. Хренов Л.С., Голуб И.Я. Время и календарь. М.: Наука, 1989. 125 с.
22. Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М.: Академия, 2002. 378 с.

REFERENCES

1. Arsenyev V.K. Vymiranie inorodcev Amurskogo kraja [Extinction of foreigners of the Amur region]. *Trudy 1-go S'ezda vrachej Priamurskogo kraja 23—28 avgusta 1913 g. v g. Khabarovske: materialy po izucheniju Priamurskogo kraja* [A congress of the doctors of the Amur Territory 23—28 August 1913 in Khabarovsk: proceedings on the study of the Amur region]. Khabarovsk, 1914, vol. 20, pp. 338—351. (In Russ.)
2. Arsenyev V.K. *Iskateli zhen'shenja v Ussurijskom krae. Sobranie sochineniy v 6 t.* [The searchers of ginseng in the Ussuri region. Collected works in 6 volumes]. Vladivostok, Primizdat Publ., 1947, vol. 4, pp. 231—247. (In Russ.)
3. Arsenyev V.K. Lesnye ljudi — udjehejcy. *Sobranie sochineniy v 6 t.* [Forest people — the Udege. Collected works in 6 volumes]. Vladivostok, Primizdat Publ., 1948, vol. 5, pp. 139—202. (In Russ.)
4. Arsenyev V.K. *Po Ussurijskomu kraju* [In the Ussuri Region]. Vladivostok, Primizdat Publ., 1949, 427 p. (In Russ.)
5. Arsenyev V.K. *Sobol' i sposoby ohoty na nego v Ussurijskom krae. Sobranie sochineniy v 6 t.* [Sable and methods of hunting for it in the Ussuri region. Collected works in 6 volumes]. Vladivostok, Primizdat Publ., 1949, vol. 6, pp. 153—177. (In Russ.)
6. Bolshov L.A. Russkoe poberezh'e Tihogo okeana [Russian Pacific Coast]. *ISO IRGO*. Irkutsk, 1877, vol. 8, no. 3—4, 156 p. (In Russ.)
7. Budyshev A.F. Obshhij vzgljad na glavnejshie mestnye uslovija Priamurskogo kraja kak v otnoshenii lesov, tak i poselenij russkih [General view on the main local conditions of the Amur Territory concerning forests and Russian settlements]. *Sb. glavnejshih oficial'nyh dokumentov po upravleniju Vostochnoj Sibir'ju: Lesa Priamurskogo kraja. Opisanie lesov Primorskoj oblasti* [A collection of the most important official documents on management of Eastern Siberia: Forests of the Amur region. Description of forests in Primorye region]. Irkutsk, 1883, vol. 5, iss. 1, pp. 3—59. (In Russ.)
8. Zavoisky K.I. Medicina i vrachi v Man'chzhurii [Medicine and doctors in Manchuria]. *Russkij antropologicheskij zhurnal*. Moscow, 1905, no. 1—2, pp. 1—72. (In Russ.)
9. Kirilov N.V. Kitajskaja medicina v ejo proshlom, othodjashhem v oblast' predanija, i zachatki medicinskoj organizacii v Kitae po evropejskomu obrazcu [Chinese medicine in its past, transforming into a legend and a start of the medical organization in China according to the European model]. *Trudy 1-go Sjezda vrachej Priamurskogo kraja*

- 23—28 avgusta 1913 g. v g. Habarovske: materialy po izucheniju Priamurskogo kraja [A congress of the doctors of the Amur Territory 23—28 August 1913 in Khabarovsk: proceedings on the study of the Amur region]. Khabarovsk, 1914, vol. 20, pp. 31—37. (In Russ.)
10. Podmaskin V.V. *Narodnye znanija tunguso-man'chzhurov i nivhov: problemy jetnogeneza i jetnitcheskoj istorii* [Traditional knowledge of the Tungus-Manchus and the Nivkhs: problems of ethnogenesis and ethnic history]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2006, 540 p. (In Russ.)
 11. Podmaskin V.V. *Narodnye znanija udjegejcev: istoriko-jetnograficheskie issledovanija po materialam XIX—XX vv.* [Traditional knowledge of the Udeges: historical and ethnographic research on the materials of 19th—20th centuries]. Vladivostok, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Publ., 1998, 228 p. (In Russ.)
 12. Podmaskin V.V. *Jetnomedicina i jetnodietologija v istorii i kul'ture narodov Dal'nego Vostoka (XVIII—XX vv.)* [Ethnomedicine and ethnodietology in the history and culture of the peoples of the Far East (18th—20th centuries)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2011, 303 p. (In Russ.)
 13. Przewalski N.M. *Puteshestvie v Ussurijskom krae (1867—1869 gg.)* [A journey to the Ussuri region (1867—1869)]. Vladivostok, Dalnevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990, 332 p. (In Russ.)
 14. Seleshnikov S.I. *Istorija kalendarja i hronologija* [The history of the calendar and chronology]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 223 p. (In Russ.)
 15. Sem L.I., Sem Y.A. *Toponimy i gidronimy Japonskogo morja* [Toponyms and hydronyms of the Sea of Japan]. *Tezisy dokladov na 1-j nauchnoj konferencii po moreplavaniju i izucheniju Tihogo okeana i po ispol'zovaniju resursov dal'nevostochnyh morej* [Abstracts of the first scientific conference on navigation and the study of the Pacific Ocean and on the use of resources of the Far Eastern seas]. Vladivostok, PF GO AN SSSR Publ., 1967, pp. 17—18. (In Russ.)
 16. Sem Y.A., Sem L.I. *Tazy: jetnitcheskaja istorija, hozjajstvo i material'naja kul'tura (XIX—XX vv.)* [Taz people: ethnic history, economy and material culture (the 19th and 20th centuries)]. *Tr. Instituta ist., arheol. i jetnogr. narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN: jetnogr. issledovanija* [Works of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East: ethnographic research]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2001, vol. 10, 172 p. (In Russ.)
 17. Semenichenko L.E., Boldin V.I. *Novye dannye o sel'skom hozjajstve bohajcev Primor'ja: po materialam arheologicheskikh issledovanij* [New data on the Baha'i agriculture in Primorye: a case study of archeological research]. *Materialy po arheologii Dal'nego Vostoka SSSR* [Materials on archeology of the Far East of the USSR]. Vladivostok, DVNC AN SSSR Publ., 1981, pp. 66—70. (In Russ.)
 18. *Soobshhenie V.V. Syra* [A report by V.V. Syr]. *Polevye materialy avtora. Primorskij kraj, 2002.* [The author's field materials, 2002, Olginskiy Region, Primorsky Krai]. (In Russ.)
 19. *Soobshhenie G.Ch. Lana* [A report by G.Ch. Lan]. *Primorskij kraj, Ol'ginskij rajon, s. Mihajlovka, 1993. Polevye materialy avtora* [The author's field materials, 1993, village Mikhailovka, Olginskiy Region, Primorsky Krai]. (In Russ.)
 20. Fadeev A.A. *Poslednij iz udjege* [The Last of the Udege]. Vladivostok, Dalnevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1981, 543 p. (In Russ.)
 21. Hrenov L.S., Golub I.Ja. *Vremja i kalendar'* [Time and calendar]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 125 p. (In Russ.)
 22. *Jazyki narodov Rossii. Krasnaja kniga. Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik* [The languages of the peoples of Russia. Red data list. Encyclopedic glossary]. Moscow, Academy Publ., 2002, 378 p. (In Russ.)